

Заседание Открытого научного семинара
«Феномен человека в его эволюции и динамике»
10 ноября 2011 г.

---

*Григорьев А.А. кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Российского института культурологии*

**ДОСТОЕВСКИЙ И ХАЙДЕГГЕР:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА И DASEIN.**

Аннотация доклада

В предлагаемом на суд слушателей докладе автор ставит своей целью провести детальное сопоставление двух знаковых произведений рассматриваемых авторов – «Записки из подполья» Ф.М.Достоевского и «Бытие и время» М. Хайдеггера. Автор отмечает, что сопоставление Достоевский – Имярек-философ уже дважды проводилось в русской философской традиции (Л.Шестов и Я. Голосовкер), поэтому предлагаемое сопоставление вполне релевантно традиции русской мысли.

Известно, что Хайдеггер читал Достоевского, а Достоевский подробно читал Платона, Канта, Гегеля. Поэтому перед нами благодатная ситуация позволяющая сопоставить философствующего писателя и поэтизирующего философа (учитывая последующий онтологический интерес Хайдеггера именно к поэзии). Основные тексты, которые используются в этом сравнении: «Записки из подполья» и «Бытие и время», не исключая «забегания» в более поздние произведения и того и другого автора.

По мнению практически всех ведущих исследователей творчества Достоевского (Мочульский, Святополк-Мирский, Шестов и др.) «Записки из подполья» - поворотный момент в творчестве Достоевского. Из этого небольшого произведения проистекают интенции дальнейшего великого Пятикнижия романов Достоевского. Открытие подпольного человека – краеугольный камень многих «идеологических» построений больших романов. Это предвосхищение «грядущего хама» и «Петрушей Верховенских». Но это только поверхностное социологическое наблюдение, ибо Достоевский художественно представляет и описывает то, что потом Хайдеггер назовет Dasein (при-существование или вот-бытие).

Ёрничающее, глумящееся, вопрошающее и тоскующее вот-бытие подпольного человека выписано на 30 страницах текста с такой

убедительностью, что невольно физически ощущается присутствие этого неугомонного и неуёмного персонажа (отсюда «невозможность читать» позднего Достоевского). Темы, поднимаемые Достоевским во многом созвучны и конгениальны хайдеггеровским экзистенциалам Man, забота, слухи любопытство и др.

Основная фигура повести воплощает собой как бы голое говорящее сознание конкордантное Я-говорению присутствия, выговариваемого как бытие-в-мире (по Хайдеггеру) и восходящего к трансцендентальному единству апперцепции кантовской философии. Но если Хайдеггер ищет цельности и целостности, характеризующие «монадность» Dasein, то для Достоевского интересна целостность сознания, фундирующая и целостность человека в целом (идея воплотившегося Логоса, с акцентом на логосности). На мой взгляд, в этом смысл всех последующих романов Достоевского – человек как атомарность идеи нацело определяющей и «поглощающей» своего носителя. Парадоксалист «сознателен» до мозга костей, а для Хайдеггера – сознание и познание, базирующееся на нем, только один из способов бытия при-сутствия. Траектория дальнейшего движения мысли обоих мыслителей пересекается в понимании бытийного статуса идеи-сознания, но расходятся в запредельной «устремленности к» - образ Христа для Достоевского (даже не с истиной, если Христос вне ее, но с Христом) и обезбоженный мрак Хайдеггера, мрачная решимость, внимающая зову собственной совести в своем бытии к смерти.